

Некоторые направления эволюции денежной теории

© В.Е. Маневич, У.К. Сарбанов, 2001

В статье представлен анализ эволюции денежной теории, прослеживается преемственность положений в области денежной теории, выдвигавшихся важнейшими школами и направлениями экономической науки: неоклассической школой, представленной трудами А. Маршалла, И. Фишера, К. Викселля; кейнсианством; сторонниками неоклассического синтеза (Д.Р. Хикс, А.С. Пигу, Д. Патинкин); современным монетаризмом (М. Фридмен). Авторы рассматривают модель Патинкина как наиболее адекватную условиям переходной экономики и предлагают определенную модификацию этой модели в целях ее практического использования в макроэкономическом анализе.

В современной экономической науке и в практике кредитно-денежного регулирования противостоят несколько крупных направлений. Наибольшую известность из них получили монетаризм (современная количественная теория денег) и кейнсианство.

Количественная теория денег имеет долгую историю. В XVIII и начале XIX в. она разрабатывалась в трудах Юма и Рикардо, в начале XX в. получила дальнейшее развитие благодаря трудам Ирвинга Фишера и Альфреда Маршалла и стала общепринятой составной частью неоклассической экономической теории. В 30-х годах XX в. количественная теория денег была подвергнута критике Дж. М. Кейнсом, который сформулировал альтернативную теорию процента и денег. Выступившие вслед за Кейнсом Джон Ричард Хикс и Артур Пигу заложили основы синтеза кейнсианской и неоклассической теории денег. Под термином

«ортодоксальное кейнсианство» в современной экономической литературе обычно подразумевается именно кейнсианско-неоклассический синтез, вобравший в себя достижения обеих школ. Современный вариант кейнсианско-неоклассического синтеза представлен в фундаментальной работе Дона Патинкина «Money, Interest, and Prices» последнее издание которой вышло в Лондоне в 1991 г.

Альтернативное направление в экономической науке – монетаризм, формирование которого связано с работами Милтона Фридмена, также многое заимствует у кейнсианства, однако в конечном счете, приходит к выводам, близким к старой количественной теории денег. В экономической науке представлено также течение, которое обычно называют новым кейнсианством. Оно отвергает возможность синтеза кейнсианства с неоклассической теорией, предполагающей полную занятость и

стихийное достижение равновесия в результате игры рыночных сил, стремится исследовать ситуацию хронического неравновесия и вынужденной безработицы.

По нашему мнению, вряд ли есть какое-либо одно, абсолютно правильное направление в экономической науке, признание которого позволит отвергнуть все остальные. Каждое из направлений отражает ту или иную сторону реальности и в то же время принимает ту или иную систему предпосылок, упрощающих реальность. В конкретных странах в определенные периоды и в определенных ситуациях может быть более адекватна та или иная система предпосылок; соответственно может быть более приемлема и полезна соответствующая экономическая теория. Задача настоящей статьи заключается не столько в том, чтобы дать обзор основных направлений теории денег, сколько в том, чтобы высказать определенное суждение об их адекватности переходной экономике.

Мы начнем обзор с традиционной («старой»), или неоклассической) количественной теории денег, потому что именно на ее основе были построены все более поздние концепции.

«Старую» количественную теорию денег обычно связывают с двумя формулами спроса на деньги: формулой И. Фишера (известной также как «чикагское уравнение») и формулой А. Маршалла («кембриджское уравнение»). Формула Фишера имеет следующий вид:

$$MV = PT, \quad (1)$$

где M – количество денег, V – скорость обращения денег, T – реальная величина транзакций, P – индекс цен. Формула Фишера устанавливает следующую зависимость: спрос на

деньги M зависит от скорости обращения денег V , реального объема транзакций T и динамики цен P .

Формула Маршалла («кембриджское уравнение») имеет следующий вид:

$$M = k p y, \quad (2)$$

где M – количество денег, y – реальный совокупный доход, p – индекс цен, k – коэффициент, показывающий, какую часть совокупного дохода субъекты экономики желают держать в форме денег.

Формулы Фишера и Маршалла можно рассматривать в определенном смысле как эквивалентные, если пренебречь различием между совокупным доходом и объемом транзакций. Действительно, коэффициент k в формуле Маршалла есть величина, обратная скорости обращения денег в формуле Фишера: $k = 1/V$. Это значит, что чем большую часть дохода субъекты экономики сохраняют в форме денег, т. е. чем больше их денежные остатки относительно совокупного дохода, тем меньше скорость обращения денег. Однако эквивалентность «кембриджского» и «чикагского» уравнений нельзя считать абсолютной. В теоретическом отношении они качественно различаются между собой. «Чикагское уравнение» связывает спрос на деньги с текущими транзакциями, тогда как «кембриджское уравнение» спрос на деньги рассматривает как спрос на денежные остатки, т. е. как на один из активов субъектов экономики, которому в принципе должны противостоять другие, альтернативные активы, другие формы сохранения и использования дохода и всего накопленного богатства. Правда, «кембриджское уравнение» спроса на деньги не дает прямого ответа на вопрос, чем определяется предпочтение

того или иного вида активов (другими словами, не включает в число аргументов функции спроса на деньги процент), но все же подводит к постановке такого вопроса.

Если объем трансакций и скорость обращения денег принять за величины на коротком отрезке времени неизменные (или, во всяком случае, не зависящие от количества денег), то мы получим наиболее простую трактовку обещанных приведенных формул: спрос на деньги зависит от уровня цен. И напротив, если предложение денег задается экзогенно, уровень цен зависит от количества денег. Изменения в количестве денег в конечном счете влияют на уровень цен, оставляя без изменений все остальные параметры, введенные в формулу (1): реальный объем трансакций (следовательно, реальный уровень производства и совокупного дохода) и скорость обращения денег. Таким образом, «грубая» трактовка количественной теории денег предполагает «нейтральность» массы денег по отношению к процессам в реальной экономике. Однако эта упрощенная трактовка количественной теории денег является далеко не бесспорной. Авторы этой теории – И. Фишер и А. Маршалл – давали своим формулам далеко не столь прямое толкование.

Увеличение количества денег, полагали эти экономисты, влияет на динамику цен посредством двух различных механизмов, один из которых можно назвать прямым, другой – косвенным. Увеличение денежных остатков у субъектов экономики (например, в результате роста номинальных доходов, выплачиваемых правительством за счет эмиссии денег) ведет к расширению платежеспособного спроса. Если расширение спроса не сопровождается ростом производства и предложения и если при этом скорость денежного обращения остается без изменений, то цены товаров растут пропорци-

онально росту количества денег. Таков прямой механизм воздействия количества денег на динамику спроса и цен.

Однако возможен и другой путь введения денег в экономику, следовательно, другой механизм воздействия количества денег на цены. Количество денег может увеличиваться в результате создания безналичных денег банками и соответствующего расширения кредита. В этом случае рост массы денег окажет непосредственное воздействие не на цены, а на ставку процента. Расширение кредита приведет на первых порах к снижению процента. В результате снижения процента расширится спрос на товары, прежде всего инвестиционные. И лишь когда это расширение спроса станет достаточно значительным, оно вызовет повышение цен (в том случае, если расширение предложения не будет соответствовать расширению спроса). Рост цен вызовет обесценение кредитных ресурсов у банков и повышение спроса на кредит со стороны фирм. В результате ставка процента вновь начнет повышаться и, в конце концов, вернется к прежнему уровню. Прежнее равновесие в экономике (прежний уровень спроса, предложения, процента и реального дохода) восстановится при более высоком уровне цен, который будет соответствовать возросшему количеству денег. Однако для этого нужно определенное время, в течение которого деньги не являются нейтральными: увеличение их количества оказывает определенное воздействие на экономическую динамику. Период этот может быть весьма продолжительным, хотя, конечно, различным в разных странах, в разные эпохи и с учетом конкретных обстоятельств. Фишер полагал, что в Соединенных Штатах в начале XX в. период приспособления экономики к возросшему количеству денег составлял 10

лет. Если в течение 10 лет возросшее количество денег оказывает воздействие не только на цены, но и на экономическую динамику в целом, то вряд ли правомерно говорить о нейтральности денег. Правомерно предположить, что в течение 10 лет в экономике произойдут такие изменения, которые исключают возвращение к прежнему состоянию равновесия (прежнему уровню дохода, спроса, предложения и т.д.).

Деньги не являются нейтральными также в силу ряда других причин. Одна из них – неравномерное распределение вновь поступающих в экономику денег между различными социальными слоями общества, различными секторами экономики. Соответственно не только увеличивается совокупный спрос, но и изменяется его структура. Если новые деньги создаются банками и в виде кредитов предоставляются фирмам, то относительно увеличивается инвестиционный спрос, а потребительский спрос сокращается. Соответствующие изменения могут произойти и в структуре общественного производства: возрастет производство инвестиционных товаров и сократится производство товаров потребительских. И наоборот, если правительство вводит в экономику новые деньги посредством выплат и трансфертов работникам «бюджетной сферы» и пенсионерам, то относительно возрастет потребительский спрос за счет спроса инвестиционного.

Далее, цены разных товарных групп могут реагировать на увеличение количества денег с различной скоростью. Если, например, цены на готовую продукцию растут быстрее цен на сырье и полуфабрикаты, то производители готовой продукции получают определенную выгоду, их прибыль растет и появляются дополнительные стимулы для расширения

производства.

Но даже в том случае, если в результате выпуска новых денег цены всех товаров вырастут в одинаковой пропорции, деньги не будут нейтральными, поскольку обесценивается накопленная к моменту повышения цен задолженность. Должники выиграют от общего повышения цен и обесценения денежной единицы, а кредиторы проиграют. Произойдет перераспределение капитала в пользу должников в ущерб кредиторам, даже если текущий реальный доход тех и других останется прежним. Если в роли конечного кредитора выступает население (или, используя термин, принятый в западной экономической литературе, домохозяйства), а в роли должников – фирмы нефинансового сектора, то в результате повышения цен (пусть равномерного) улучшится финансовое положение предприятий, увеличится спрос на инвестиционные товары; но в то же время снизится благосостояние населения и потребительский спрос сократится. Как видим, «старая» количественная теория денег вовсе не сводится к однозначному утверждению, согласно которому рост массы денег вызывает пропорциональное повышение цен. Она принимает во внимание ряд усложняющих факторов. Однако в конечном счете по прошествии определенного (не всегда короткого) времени, согласно количественной теории денег, в экономике восстанавливается прежнее равновесие, включая прежний уровень процента.

Но если количество денег, поступающих в экономику, может вызвать лишь временное отклонение ставки процента от ее равновесного уровня, то чем, согласно неоклассической теории, определяется этот равновесный уровень процента? Ставка процента, складывающаяся в экономике, согласно взглядам экономистов

неоклассической школы, в конечном счете не зависит от количества денег; она определяется соотношением спроса и предложения ссудного капитала. Причем спрос на ссудный капитал неоклассическая теория отождествляет с инвестициями, а предложение ссудного капитала – со сбережениями.

Согласно неоклассической теории, как сбережения, так и инвестиции зависят от динамики процента: по мере роста ставки процента сбережения увеличиваются, а инвестиции сокращаются. И та и другая зависимость описывается соответствующей функцией и может быть представлена в виде кривой на плоскости. Кривая инвестиций имеет нисходящий (отрицательный) наклон, кривая сбережений – положительный наклон. Точка пересечения этих кривых отображает условия равенства сбережений и инвестиций и равновесную ставку процента. Таким образом, ставка процента определяется спросом и предложением не денег, а капитала. Тем не менее увеличение количества денег может вызывать временное отклонение ставки процента от того уровня, который определяется равенством сбережений и инвестиций. Кейнс писал в этой связи, что классическая школа по сути дела выдвигает две разные теории процента, которые противоречат друг другу: одна теория связывает процент с равновесием сбережений и инвестиций, другая – со спросом и предложением денег.

Попытку преодолеть этот разрыв в рамках классической теории предпринял Кнут Викаксель, который предложил ввести понятия натурального процента и денежного процента. Первый зависит от предельной эффективности (прибыльности) капитала, второй – от спроса и предложения денег. Денежный процент может временно отклоняться от натурального

процента, но в конечном счете все же возвращается к его уровню. Если денежный процент оказался выше натурального, то спрос на инвестиционные товары сокращается, их цены снижаются, сокращается спрос на кредит, снижается денежная ставка процента. Напротив, если денежная ставка оказалась ниже натуральной, кредит расширяется, спрос растет, вслед за ним растут цены, что вызывает повышение спроса на ссуды и в конечном счете денежный процент повышается до уровня натурального. Викаксель, таким образом, предложил рассматривать процент не только как реальный, но и как денежный феномен.

Вклад Кейнса в экономическую теорию связан, в частности, с пересмотром классической доктрины процента и денег. Уровень сбережений, полагал Кейнс, зависит прежде всего от уровня совокупного дохода, а не от ставки процента. Влияние динамики процента на сбережения следует рассматривать только при данном уровне дохода. Экономисты-классики, полагал Кейнс, не стали бы оспаривать, что уровень дохода влияет на сбережения. «Я со своей стороны, – писал далее Кейнс, – не буду отрицать, что ставка процента, возможно, оказывает влияние на величину сбережений из данного дохода».

Уровень дохода определяет, какую его часть субъекты экономики предпочитают потреблять, а какую – сберегать; ставка процента влияет главным образом не на уровень сбережений, а на то, в какой форме делаются эти сбережения – денег или менее ликвидных активов (ценных бумаг). Ставка процента есть плата за расставание с ликвидностью, а интенсивность предпочтения ликвидности зависит от спроса и предложения денег. Следовательно, согласно Кейнсу, процент – денежный феномен, он формируется на рынке денег и альтер-

нативных активов (облигаций) и реальному сектору как бы задается извне.

В то же время в системе Кейнса процент играет критически важную роль в стимулировании инвестиций, от которых зависит рост совокупного дохода и занятости. Именно ставка процента, соотнесенная с графиком предельной эффективности капитала, определяет, какова эта предельная эффективность и, следовательно, каков в этих условиях объем инвестиций.

Таким образом, согласно Кейнсу, в реальном секторе процент определяет уровень инвестиций, следовательно, воздействует на эффективный спрос, занятость и производство, однако его величина формируется на финансовом рынке.

Разумеется, не вся масса денег обращается на финансовом рынке и может рассматриваться в качестве актива, альтернативного ценным бумагам. Часть денег обслуживает текущие платежи (транзакции). Спрос на деньги для обслуживания транзакций M_1 зависит от объема совокупного дохода Y , как это и полагала «старая» количественная теория денег:

$$M_1 = L_1(Y), \quad (3)$$

где L_1 – некоторая функция. Спрос на деньги для обслуживания текущих платежей непосредственно не влияет на динамику процента. Лишь та часть денег, которая используется для спекулятивных операций на финансовых рынках M_2 (а в современных условиях эта часть весьма значительная), связана функциональной зависимостью со ставкой процента. Эту зависимость Кейнс записывает следующим образом:

$$M_2 = L_2(r). \quad (4)$$

Повышение ставки процента сокращает спрос на деньги, поскольку увеличивает спрос на ценные бумаги увеличение количества денег способствует снижению процента, ибо снижает предпочтение ликвидности у субъектов рынка. Ставка процента при прочих неизменных условиях связана функциональной зависимостью – прямой и обратной – с количеством денег: спрос на деньги как на один из альтернативных активов зависит от изменений ставки процента. Изменения предложения денег воздействуют на равновесную ставку процента. Причем это воздействие, согласно Кейнсу, не имеет характера временного нарушения равновесия, как полагала «старая» количественная теория денег. Снижение процента вызывает рост не только инвестиционного спроса, но и занятости и производства.

Итак, спрос на деньги, согласно Кейнсу, зависит от совокупного дохода и от ставки процента. Обобщенно эту зависимость можно записать так:

$$M^d = L(Y, r). \quad (5)$$

Зависимость текущего спроса на деньги от ставки процента, определяющей в данном случае интенсивность предпочтения ликвидности, признают теперь экономисты практически всех направлений. В этой связи представляется необходимым остановиться на теории монетаризма (или современной версии количественной теории денег), признанным лидером которой является Милтон Фридмен.

В экономической и политической публицистике стран СНГ термин «монетаризм» оказался очень популярным. Верность этой концепции и рекомендуемой ею экономической политике декларировали многие высокопос-

тавленные лица, включая глав правительств и экономических ведомств. При этом, однако, суть концепции Фридмена практически всегда оставалась «за кадром», и могут возникнуть сомнения в том, что политики, клявшиеся в верности монетаризму, действительно знали, что он собой представляет.

Прежде всего нужно отметить, что М. Фридмен рассматривает монетаризм исключительно как теорию спроса на деньги, но не как теорию цен или экономической динамики. Для объяснения динамики цен и совокупного дохода, подчеркивает Фридмен, необходимо помимо изменения количества денег изучить ряд других факторов. Спрос на деньги Фридмен первоначально трактует в духе Кейнса – как спрос на один из альтернативных активов, зависящий от процентного дохода по другим, менее ликвидным активам. Правда, мотивы хранения денег Фридмен трактует несколько иначе, чем Кейнс. Для Фридмена деньги – это прежде всего «предмет роскоши», хранение которого возрастает по мере роста дохода и богатства в целом. Далее, если у Кейнса в качестве альтернативного актива деньгам противостоят только облигации, то Фридмен вводит в качестве аргументов функции спроса на деньги ряд активов, приносящих доход (облигации, акции, недвижимость, физический капитал), а также вложения в человеческий капитал (затраты на образование, поддержание здоровья и т.д.). Если обозначить все активы, приносящие доход, одним символом u , то функция спроса на деньги у Фридмена примет вид, весьма близкий к функции спроса на деньги у Кейнса:

$$M^d = L(Y, u). \quad (6)$$

Однако далее Фридмен переходит к рас-

смотрению функции спроса на деньги на длительном отрезке времени, охватывающем период 90 лет (с 70-х годов XIX в. до 50-х годов XX в. включительно, и вносит существенные коррективы в функцию спроса на деньги. На основе анализа динамики цен и количества денег в США Фридмен приходит к выводу, что в масштабах векового периода изменения процентного дохода по различным альтернативным активам не влияют на спрос на деньги. Следовательно, единственная переменная, определяющая динамику спроса на деньги на столь длительном отрезке времени, – это совокупный доход. При этом по мере роста совокупного дохода страны (в данном случае – Соединенных Штатов) спрос на деньги растет с эластичностью 1,8. По сути дела Фридмен возвращается к кембриджской формуле количественной теории денег, но с оговорками, что коэффициент k по мере роста дохода увеличивается и что вся эта конструкция относится лишь к чрезвычайно длительному периоду, тогда как в рамках делового цикла действуют принципиально иные, подчас противоположные зависимости, определяющие спрос на деньги. Так, внутри делового цикла бум и увеличение дохода сопровождаются уменьшением спроса на деньги и увеличением спроса на ценные бумаги и, наоборот, депрессия и снижение совокупного дохода – увеличением спроса на деньги и т.д.

Фридмен полагает, что на основе вековых закономерностей спроса на деньги можно прогнозировать рост этого спроса на обозримый период и, следовательно, таким образом строить политику предложения денег центральным банком, чтобы поддерживать равенство спроса и предложения денег и стабильность цен в той мере, в какой цены зависят от количества денег. Однако, как в данном случае справедливо по-

лагает Фридмен, индивиды руководствуются в своем спросе на деньги не вековыми тенденциями, а своим жизненным опытом, ожидаемым доходом. Доход, ожидаемый индивидами, относительно стабилен, поскольку индивиды экстраполируют на будущее некий средний, устойчивый доход, который они получали в течение ряда предшествующих лет. Поэтому и предложение денег должно поддерживаться на среднем устойчивом уровне, оно не должно колебаться вслед за колебаниями экономической конъюнктуры. Предсказать эти колебания весьма трудно, реакция денежных властей на эти колебания неизбежно будет запаздывать и поэтому скорее принесет вред, чем пользу. Наоборот, равномерное увеличение денежной массы в соответствии с выявленным вековым трендом и ожидаемым (средним) доходом способно относительно стабилизировать экономическую систему. Таковы основные контуры концепции монетаризма.

С общетеоретических позиций нам представляется сомнительной сама идея построения векового тренда спроса на деньги. В течение столетия характер сбережения и спроса на деньги качественно изменяется, изменяется социальный состав лиц, делающих сбережения, изменяется их мотивация. В конце XIX в. А. Маршалл писал, что во времена Смита и Рикардо (Смит писал за 100, а Рикардо – за 70 лет до Маршалла) сбережения делали только капиталисты, тогда как рабочие были слишком бедны, а землевладельцы – слишком расточительны, чтобы делать сбережения. В классическом труде Дж. С. Милля, писавшего за полстолетия до Маршалла, мы также не находим упоминаний о сбережениях рабочих. Но, как пишет Маршалл, в конце XIX в. в сбережениях участвовали уже практически все классы капиталистического общества, хотя далеко не в равной

степени. Безусловно, качественные изменения в природе сбережений и спроса на деньги произошли в течение почти целого столетия, которое рассматривает Фридмен, начиная с 70-х годов XIX в.

Если на отрезке времени, равном столетию, все факторы спроса на деньги, кроме совокупного дохода, оказываются элиминированными, то это, как нам представляется, еще не доказывает, что в текущей денежной политике ими можно пренебречь. Циклические колебания этих факторов на достаточно длительном отрезке времени могут просто гасить друг друга, в результате обнаруживается нечто вроде «статистического парадокса», когда единственным аргументом функции спроса на деньги оказывается совокупный доход.

Однако как ни трактовать вековой тренд спроса на деньги – считать ли его построение теоретически оправданным или нет, все равно нужно признать, что у стран с переходной экономикой – бывших советских республик – нет за спиной векового периода развития капитализма. Следовательно, применительно к этим странам вообще бессмысленно говорить о вековом тренде спроса на деньги.

Далее, согласно Фридмену, текущий спрос индивидов на деньги обуславливается так называемым ожидаемым доходом, т. е. средней устойчивой составляющей их прошлых доходов. Существует ли в экономике наших стран что-либо подобное устойчивому среднему доходу, который субъекты экономики могли бы экстраполировать на будущее и в результате определять свой спрос на денежные остатки? Нам представляется, что в течение последнего кризисного десятилетия у большинства субъектов переходной экономики вряд ли могло сформироваться такое представление об устойчивом среднем доходе.

Следовательно, и эта часть конструкции Фридмена (даже если она имеет смысл применительно к экономике развитых стран) к нашим странам неприменима.

Основная рекомендация монетаризма – избегать непосредственного вмешательства в течение делового цикла, выравнивать экономическую динамику с помощью равномерного поступления денег в экономику – предполагает существование устойчиво развивающейся, окрепшей рыночной экономики, подверженной лишь незначительным колебаниям. Применить эту рекомендацию к кризисной экономике наших стран невозможно, поскольку очевидно, что мы имеем дело не с циклическим спадом, а с системным кризисом. Ритм деловых циклов в нашей экономике еще не сложился, поэтому бессмысленно говорить о методах сглаживания колебаний внутри делового цикла. Но именно на такое сглаживание и нацелена концепция монетаризма. Кейнс в отличие от монетаристов в своем труде «Общая теория занятости, процента и денег» во многом рассматривает ситуацию глубокого, затяжного кризиса, что делает его выводы для нас весьма актуальными. Разумеется, это последнее замечание не умаляет общетеоретического значения работы Кейнса, равно как и не опровергает плодотворности синтеза теоретических положений кейнсианства и неоклассической школы. К рассмотрению этого синтеза мы теперь и переходим.

Основы кейнсианско-неоклассического синтеза были заложены в работах Дж. Р. Хикса (1937) и А. С. Пигу (1947). Хикс построил модель, включающую реальный сектор, в котором осуществляются реальные сбережения и инвестиции, и денежный сектор, в котором сталкиваются спрос и предложение денег. Ставка процента определяется как в том, так и

в другом секторе. В реальном секторе она определяется условиями равновесия сбережений и инвестиций (Хикс назвал ее инвестиционной ставкой), в денежном секторе предпочтением ликвидности; она соответствует равновесию спроса и предложения денег (эту ставку процента Хикс назвал денежной ставкой).

Инвестиционная ставка процента по мере роста совокупного дохода в общем случае понижается, поскольку по мере роста дохода растут сбережения, следовательно, растет и предложение ссудного капитала. Инвестиции (спрос на капитал) также растут по мере роста дохода, но этот рост, как правило, не столь явно выражен, как рост сбережений. Поэтому кривая IS, отображающая динамику инвестиционной ставки процента по мере роста дохода, имеет отрицательный наклон.

Напротив, денежная ставка процента по мере роста совокупного дохода в общем случае растет, поскольку по мере роста дохода увеличивается спрос на деньги для транзакций, следовательно, процент должен повышаться, чтобы сохранялось равновесие спроса и предложения денег в условиях, когда предложение денег фиксированное. Поэтому кривая LM, отображающая динамику денежной ставки процента по мере роста совокупного дохода, имеет положительный наклон. Пересечение кривых IS и LM (получившее название «крест Хикса») определяет равновесную ставку процента для экономики в целом.

Конечно, сохранение равновесия на рынке денег по мере роста дохода может достигаться благодаря не только росту процента, но и расширению предложения денег. Если по мере роста дохода расширяется предложение денег, кривая LM будет иметь сравнительно плавный наклон. Теоретически она может превратиться в горизонтальную линию, если предложение

денег возрастает пропорционально росту совокупного дохода, или даже получить отрицательный наклон, если реальная масса денег возрастает быстрее, чем совокупный доход. Таким образом, форма кривой LM зависит от эластичности кредитно-денежной системы и эффективности проводимой денежной политики.

Кривая IS также может иметь различную форму в зависимости от того, как по мере роста дохода растут сбережения и инвестиции. Если инвестиции растут в том же темпе, что и сбережения, кривая IS превратится в горизонтальную линию. Теоретически, если инвестиции растут быстрее сбережений, кривая может получить положительный наклон. В экономике обычно существует определенный минимальный уровень процента, ниже которого его уровень снизить весьма трудно. Если такой минимальный уровень достигнут, то дальнейший рост сбережений, инвестиций и совокупного дохода будет происходить при неизменной ставке процента. Это значит, что и в этом случае кривая IS превратится в горизонтальную линию. Согласно Хиксу, именно эту ситуацию – когда денежная ставка процента подвижная, а инвестиционная ставка постоянная – рассматривает Кейнс, поскольку принцип предпочтения ликвидности объясняет формирование именно денежной ставки процента.

Хикс трактует процент одновременно и как денежный и как реальный феномен, и в этом он следует за Викселлем. Однако главное, что внес Хикс в теорию процента и денег, – это положение о том, что денежная ставка процента формируется одновременно как в денежном, так и в реальном секторе. В денежном секторе определяющую роль для динамики процента играет сформулированный Кейнсом принцип предпочтения ликвидности; для

формирования ставки процента в реальном секторе сохраняет силу принцип равновесия сбережений и инвестиций, развитый Маршаллом. Здесь Хикс использовал аппарат кривых спроса и предложения для исследования формирования процента в реальном и денежном секторах. Причем Хикс существенно усовершенствовал аппарат равновесного анализа. В неоклассической теории спроса и предложения, развитой А. Маршаллом, каждая кривая отражает функциональную связь между двумя переменными; введение в анализ третьей переменной отображается как сдвиг кривой на плоскости и соответствующее смещение точки равновесия. Хикс ввел в аппарат анализа кривые, отображающие траекторию смещения точки равновесия двух переменных в случае введения третьей переменной. Так, кривая IS отображает траекторию изменения ставки процента, равновесной по сбережениям и инвестициям в случае изменения совокупного дохода; кривая LM – траекторию изменения ставки процента, равновесной по спросу и предложению денег в случае измене-

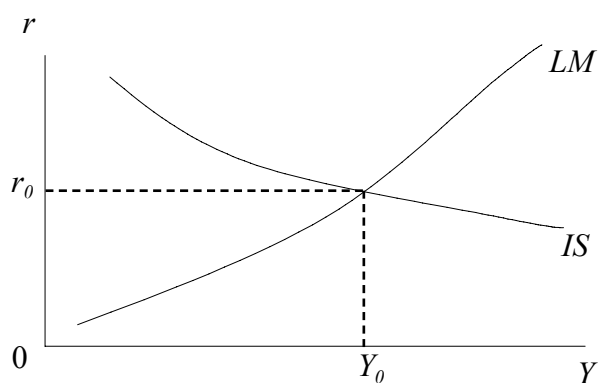

Рис. 1.

ния совокупного дохода. Это позволило Хиксу отобразить взаимосвязь динамики ставки процента, формируемой в двух различных секторах экономики – в реальном и денежном.

Вклад в неоклассический синтез А.С. Пигу заключается прежде всего в обосновании так называемого эффекта богатства (получившего также название эффекта Пигу).

Классическая теория денег до Кейнса полагала, что на длительном отрезке времени количество денег воздействует только на абсолютный уровень цен, следовательно, остается нейтральным по отношению к процессам в реальной экономике. Отсюда вытекает, что абсолютный уровень цен не определен, он может принимать какие угодно значения в зависимости от количества денег, выпускаемых правительством. Кейнс отвергал тезис о нейтральности количества денег, поскольку от предложения денег зависит интенсивность предпочтения ликвидности и ставка процента, а процент оказывает решающее воздействие на уровень инвестиций, занятость и совокупный доход.

Значение эффекта богатства (эффекта Пигу) заключается в том, что количество денег не рассматривается больше как нейтральное по отношению к процессам в реальной экономике, причем не только в рамках кейнсианской доктрины, но и в системе понятий неоклассической теории. Тем самым снимается одно из важных расхождений между кейнсианством и неоклассикой.

В случае изменения количества денег, полагал Пигу, спрос не остается на прежнем уровне, даже если это изменение количества денег равномерно воздействует на все цены и текущие доходы. Ведь рост цен, даже если он сопровождается пропорциональным ростом

заработной платы, прибыли и других видов дохода, все же ведет к обесценению накопленного запаса денег и других видов финансовых активов. На уровень спроса влияет не только текущий доход, но и накопленное ранее богатство. Если в результате роста цен реальное богатство членов общества уменьшается, то вслед за ним сокращается спрос. Но сокращение спроса ведет к снижению цен или во всяком случае останавливает их дальнейший рост. Таким образом, количество денег не нейтрально по отношению к реальной экономике, а абсолютный уровень цен не является величиной совершенно неопределенной.

Если предположить, что все финансовые активы индивидов и фирм состоят исключительно из денежных остатков (а в переходной экономике это нередко так и есть), то тогда эффект богатства можно свести к эффекту реальных денежных остатков. Как показывает анализ конкретной ситуации в странах с переходной экономикой, изменение реальных денежных остатков фирм и домохозяйств (населения) оказывает существенное влияние на инвестиционный и потребительский спрос, на состояние расчетов в народном хозяйстве, на спрос на деньги и, следовательно, на динамику ставки процента. Кроме того, на практике изменение цен редко оставляет неизменными текущие доходы, поэтому эффект реальных денежных остатков – их воздействие на спрос и ставку процента – определенным образом сочетается с эффектом уровня и распределения доходов.

По общему признанию наиболее разработанная макроэкономическая модель в рамках кейнсианско-неоклассического синтеза в современной экономической литературе представлена в работе Дона Патинкина. Патинкин синтезировал подходы Хикса и Пигу. Так же

как Хикс, он исходит из того, что ставка процента формируется как в денежном, так и в реальном секторе экономики. Однако в отличие от Хикса Патинкин не ограничивается рассмотрением взаимодействия общих макроэкономических индикаторов – сбережений и инвестиций, а вводит в модель приближенное к реальности деление экономики на рынок товаров, рынок заимствований и рынок денег. Ставка процента в системе Патинкина уравнивает не сбережения и инвестиции (как у неоклассиков), а спрос и предложение кредитов (в основной модели Патинкина – спрос и предложение облигаций). Такая постановка проблемы в большей мере приближена к реальности.

Динамические силы, воздействующие на ставку процента, образуют, по словам Патинкина, «трилистник»: они действуют на всех трех названных рынках.

Введенное Пигу понятие эффекта реальных денежных остатков в модели Патинкина выступает как важнейшая часть механизма, автоматически действующего на всех трех рынках экономики. Эффект реальных денежных остатков сказывается на динамике спроса на товарном рынке, спроса и предложения на рынках заимствований и денег и, кроме того, в модели Патинкина является связующим звеном между тремя рынками. Динамика цен на рынке товаров, воздействуя на реальные денежные остатки, тем самым оказывает влияние на спрос и предложение заимствований и денег, на динамику ставки процента.

Далее Патинкин, рассматривая рынок денег, на определенной стадии анализа отказывается от традиционной предпосылки об экзогенном характере денежного предложения. Тем самым он вводит в модель предложение денег частными банками (а не только денеж-

ными властями – правительством или центральным банком), а также спрос банков на облигации и резервы ликвидности. В результате в модели Патинкина наряду с рынком денег появляется рынок банковских резервов.

В своем анализе Патинкин использует аппарат неоклассической школы, основанный на признании равновесия на всех рынках как нормального состояния экономики и на предпосылке, согласно которой экономика спонтанно стремится к состоянию равновесия. Однако он не абсолютизирует эти предпосылки и на более поздней стадии анализа рассматривает «работу модели» в условиях вынужденной безработицы и неравновесия на рынке товаров. Поэтому Патинкина относят иногда не только к числу сторонников кейнсианско-неоклассического синтеза, но и к «новым кейнсианцам». Положение о достижимости общего равновесия на всех рынках экономики при определенном равновесном уровне ставки процента и цен рассматривается Патинкиным всего лишь как предпосылка, помогающая на первоначальных стадиях анализа. Если на практике достижение равновесия требует социально неприемлемых сроков, то оправданными становятся рекомендации кейнсианцев об усилении государственного регулирования.

В целом макроэкономическая модель Патинкина представляется в значительно большей степени приближенной к реальности, чем модель Хикса. Тем не менее для практического использования модели Патинкина в анализе макроэкономических процессов в странах с переходной экономикой представляется необходимой ее некоторая модификация.

Определенная работа по модификации четырех блоков модели Патинкина (описывающих рынки труда, товаров, облигаций и де-

нег) была нами проделана. В указанной статье мы предложили обобщение рынка труда как рынка факторов производства в целом, рынка облигаций как более широкого рынка заимствований. Если рассматривать реальную заработную плату как отношение между индексом номинальной заработной платой и индексом цен производителей промышленной продукции, то реальная заработная плата, с точки зрения предпринимателя, будет представлять собой цену одного из факторов производства. Такой же подход может быть использован при анализе занятости других факторов производства (помимо труда), что позволяет представить уровень предложения товаров как величину (или ряд величин), обусловленную динамическими процессами на рынке не только труда, но и других факторов производства. Таким образом, рынок труда в модели Патиникна может быть обобщен и представлен как рынок факторов производства.

В блоках модели, описывающих рынки товаров и заимствований, мы предложили вместо единого фактора реальные денежные остатки, ввести два относительно независимых фактора: реальные денежные остатки у фирм и у домохозяйств, определяемые с помощью различных индексов цен (в первом случае используется индекс цен производителей промышленной продукции, во втором – индекс потребительских цен). Расчеты на статистическом материале России и Киргизии подтвердили значимость этой модификации. Реальные денежные остатки у фирм и у домохозяйств в экономике наших стран имеют, как правило, разнонаправленную динамику и, следовательно, оказывают разнонаправленное действие на потребительский и инвестиционный спрос, на систему цен и процентных ставок. Нами была также предложена определен-

ная модификация блока модели, описывающая рынок денег и банковских резервов с учетом той роли, которую играют резервы в активах банковской системы России и Киргизии.

Дальнейшая работа по модификации макроэкономической модели применительно к реалиям переходной экономики должна вестись, как нам представляется, в следующих направлениях. Во всех блоках модели должен получить отражение внешнеэкономический фактор. В блоке, описывающем рынок факторов производства, необходимо учесть вывоз первичных ресурсов, их влияние на предложение и цены факторов производства; в блоке, описывающем рынок товаров, изменение предложения под влиянием импорта и экспорта, изменение потребительского и инвестиционного спроса под влиянием сальдо торгового баланса и экспорта капитала; в блоке, описывающем рынок заимствований влияние ввоза и вывоза капитала на ставку процента; в блоке, описывающем рынок денег, влияние притока или оттока иностранной валюты на количество денег в обращении.

В модели, имеющей не только теоретическое, но и практическое значение, важно учесть относительную изолированность рынков труда и инвестиций в различных отраслях российской экономики.

Далее, во все блоки модели должен последовательно включаться фактор государственных доходов и расходов, в частности, влияние профицита государственного бюджета на совокупный спрос на рынке товаров и количество денег в обращении.

Литература

Hicks J. R. Mr. Keynes and the «Classics». A

Suggested Interpretation // *Econometrica*. 1937. Vol. 4.

Pigou A. C. Economic Progress in a Stable Environment // *Economica*. 1947. Vol. 14.

Харрис Л. Денежная теория Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. С. 445.

Маневич В.Е., Сарбанов У.К. Применение модели Патинкина в макроэкономическом анализе (на примере России и Киргизии) *Бизнес и банки*. 2001. № 14, 15.